

**Екатерина
Юрьева**

В ТЕНИ

*По роману Дж.Остин
"Гордость и предубеждение"*

Екатерина Юрьева

В тени

<https://litres.ru/74604088>

SelfPub; 2026

Аннотация

Действие романа происходит в знакомом мире «Гордости и предубеждения» Дж.Остин, но описывает то, что осталось за кулисами известной истории - о чем говорят между собой Дарси и полковник Фицуильям; почему Уикхем сбежал с Лидией, каким образом Дарси заставил Уикхема жениться на Лидии, о реакции леди Кэтрин на помолвку Дарси и многом, многом другом, что не описано в классическом романе.

В центре - история Энн де Бер, которая живет в тени своей матери и поместья Розингс. Слуги ей сочувствуют, знакомые матери - относятся с легким презрением, кузены - с жалостью. Энн хочется перестать быть тенью, обрести краски, плоть и кровь, но она пока не знает, как это сделать и как на это решиться. Это история ее любви, взросления, принятия и смелости быть собой.

Для поклонников Джейн Остин и всех, кто верит, что настоящая романтика — в деталях, взглядах и тишине между словами.

Содержание

Глава I	4
Глава II	22
Глава III	40
Глава IV	59
Конец ознакомительного фрагмента.	74

В тени

Глава I

Все знают, что отсутствие средств препятствует удовлетворению многих желаний, хотя для обеспеченного человека богатство порой вовсе не является синонимом счастья.

Нельзя с уверенностью сказать, что леди Кэтрин, вдова Льюиса де Бер, владелица огромного поместья Розингс в Кенте, дома в Лондоне и немалого состояния в ценных бумагах, полностью довольна своей жизнью, но, казалось, ее вполне устраивало то положение, которое она занимала по праву рождения и замужества.

Будучи дочерью графа, она вышла замуж за отпрыска нетитулованной, но старинной и богатой аристократической семьи. Поселившись в Розингсе, леди Кэтрин, от природы наделенная властным и решительным характером, вскоре забрала в свои руки управление всеми делами. Ее муж, человек на редкость мягкий, покорно отстранился от дел и спустя несколько лет после женитьбы так же незаметно, как жил, ушел в мир иной, оставив жене в память о себе

внушительное состояние и трехлетнюю дочь.

Погоревав положенное время, леди Кэтрин утешилась положением владетельной особы в своем немалом королевстве, которое выходило далеко за границы поместья, распространяясь на всю близлежащую округу.

Многолетнее вдовство, высокое положение в обществе, влиятельные связи и деньги постепенно превратили леди Кэтрин, женщину в глубине души вовсе не жестокосердную и искренне стремившуюся быть справедливой и полезной, в настоящего тирана. Не признавая других мнений, кроме собственного, она была уверена, что все понимает, знает и умеет, потому присвоила себе право судить, оценивать и контролировать всех и вся. Ее страстью было поучать и навязывать свою волю родственникам, знакомым, подчиненным и простым смертным, на свою беду попавшимся ей на глаза. Местные жители, начиная от лакеев в Розингсе и заканчивая сэром Эдвардом, владельцем соседнего имения, старались ни в чем не перечить леди Кэтрин и тем не вызывать на себя поток высокомерных упреков, хотя избежать ее назидательных наставлений пока никому не удавалось.

— К мистеру Коллинзу в гости приехали родственники жены, — сообщила она как-то за завтраком своей дочери Энн и ее компаньонке миссис Дженкинсон.

Энн по обыкновению промолчала, а миссис Дженкинсон, донельзя забитое и глупое существо, которое всегда отчаянно стремилось угодить мисс де Бер, а еще больше — леди Кэтрин, не преминула ответить:

— Да, да, ваше сиятельство, да, как раз вчера мистер Джолинс рассказывал...

— Джолинс слишком много говорит, — фыркнула леди Кэтрин, недовольная, что ее дворецкий успел рассказать новости раньше нее самой.

Миссис Дженкинсон сконфуженно умолкла, испугавшись, что сказала что-то не то.

— Интересно будет на них посмотреть, — продолжила леди Кэтрин. — С ними приехала кузина нашего пастора, дочь джентльмена, чье поместье в будущем перейдет мистеру Коллинзу по мужской линии.

Какое-то время она посвятила обсуждению гостей пастора, припоминая все услышанные сплетни и рассказы самого мистера Коллинза, известила о своем решении пригласить обитателей пасторского дома к завтрашнему обеду, а затем обратила свое сиятельное внимание на дочь, имевшую неосторожность положить на свою тарелку кусочек ветчины.

— Мисс Энн! Я неоднократно говорила вам: мяс о вредно для вашего желудка!

Энн вздрогнула и отложила вилку.

— Миссис Дженкинсон, вы должны более тщатель-

но следить за рационом мисс де Бер! – леди Кэтрин сурово посмотрела на съезжившуюся компаньонку и встала.

– Я еду с ответным визитом к леди Меткаф и вернусь во второй половине дня. Если вы собираетесь на прогулку, то поспешите, пока не испортилась погода. Холодный ветер вреден для груди мисс де Бер.

С этими словами она выплыла из комнаты для завтраков, а Энн, с сожалением взглянув на так и не съеденный кусок ветчины, заторопилась в свою комнату, чтобы переодеться в прогулочное платье.

С помощью горничной она натянула на себя шерстяное одеяние отвратительного сизого цвета – леди Кэтрин самолично выбирала для нее подходящие, по ее мнению, цвета тканей и фасоны платьев, после чего подошла к окну и задумчиво уставилась на деревья в парке, покрытые весенней зеленью.

Энн имела несчастье родиться маленькой и худенькой, отчего леди Кэтрин незамедлительно вынесла вердикт, что ребенок слишком хрупкий, следовательно, болезненный, посему с раннего детства Энн всячески оберегали, предупреждая любую возможную хворь с помощью толпы нянек, личного лечащего врача и длинного списка всевозможных запретов и рекомендаций. Ей нельзя было играть с соседски-

ми детьми, чтобы не заразиться какой-нибудь опасной болезнью, а гулять дозволялось только в теплые солнечные и безветренные дни, которыми так редко балует английская погода. Питаться же она должна была по специальной диете, лично составленной леди Кэтрин.

Д ожив до девятнадцати лет, Энн почти не общалась со своими сверстниками и никогда не имела ни одной подруги. Из-за отсутствия движения и свежего воздуха кожа ее была бледной, под глазами залегали глубокие тени, а диета привела к неестественной худобе и постоянном чувстве пусть легкого, но голода.

Она жила в роскошном особняке, у нее были дорогие наряды, драгоценности, экипажи и толпа слуг, готовая исполнить ее любое желание – разумеется, с разрешения миледи. Но все это отчего-то совсем не скрашивало ее безрадостное существование.

Когда Энн видела смешливую розовощекую мисс Сейвил, дочь небогатого сквайра, в давно вышедшей из моды шляпке или всегда скромно одетых двух дружных дочек Лестнера – вечно хмурого фермера, арендующего коттедж у реки, ей всегда хотелось быть на месте одной из них.

– Мисс Энн! Мисс Энн!

В комнату заглянула миссис Дженкинсон. При виде

своей подопечной она трагически заломила руки и запричитала:

– Вы стоите у окна! У окна! Вас продует, вы простудитесь! Где ваша шаль?!

Она схватила шаль, висевшую на спинке стула, и хлопотала вокруг девушки, укутывая ее плечи.

– Не знаю, как быть сегодня с прогулкой. В любой момент может подняться ветер, – тараторила компаньонка, заискивающе заглядывая в глаза Энн. – Леди Кэтрин уже уехала, и теперь мы не можем с ней посоветоваться. А если погода испортится...

Бедняжка миссис Дженкинсон не знала, как ей поступить, чтобы не вызвать неудовольствие хозяйки. Опасно не ехать на прогулку, но казалось не менее опасным на прогулке подвергнуть хрупкую мисс де Бер порывам ветра, который не желал считаться с приказаниями леди Кэтрин и дул, когда ему только заблагорассудится.

Энн, хорошо зная свою мать и понимая муки компаньонки, сказала:

– Мы же не можем заранее знать, будет ветер или нет? И если мы выедем на прогулку в хорошую погоду, никто не сможет нас в этом упрекнуть. Но лишь ветер разгуляется, сразу повернем домой.

– Но...

– К тому же, думаю, нам следует передать мистеру

Коллинзу приглашение на обед, — заметила Энн.

Леди Кэтрин наверняка пошлет к пастору слугу, но не помешает и лично его о том известить.

Успокоенная таким образом миссис Дженкинсон проследила, чтобы Энн надела теплый жакет и завернулась в шаль, после чего прихватила с собой ридикюль, где лежали носовые платки и непременно склянка с нюхательной солью, хотя Энн ни разу в жизни не теряла сознания.

Затем они направились к фаэтону, давно ожидавшему их у крыльца.

Энн мечтала совсем о другой компаньонке, не такой скучной и подобострастной. Ей хотелось видеть рядом женщину помоложе, веселую и общительную, с которой можно было бы подружиться, но в Розингсе появилась миссис Дженкинсон — скучная, назойливая и не слишком приятная дама, чье постоянное присутствие весьма тяготило Энн.

Казалось, мисс де Бер стоило бы высказать свои пожелания леди Кэтрин, которая могла подыскать для дочери более подходящую компанию. Но если кто мог хотя на миг подумать, что мнения или желания Энн что-то значили для ее матери, тот несомненно бы ошибся. Леди Кэтрин сама знала, что и как лучше для ее собственной дочери, потому принятые ею решения

не обсуждались и не подвергались сомнению. Именно она выписала компаньонку и была вполне довольна, насколько вообще могла быть кем-то довольна, миссис Дженкинсон, и со стороны Энн было бесполезно даже попытаться что-то изменить.

Несколько лет назад она как-то осмелилась восстать против жесткого режима, установленного матерью, но бунт был немедленно подавлен, а споры и просьбы ни к чему не привели. Ее не наказывали, но утомительные выговоры были хуже всякого наказания. Походи она характером на леди Кэтрин, возможно, продолжала бы настаивать на своем, добиваясь хоть относительной независимости. Увы, Энн пошла в отца, человека тихого и мирного, не выносившего даже намека на ссору, потому она смирилась с существующим положением, более не беспокоя своими проблемами леди Кэтрин, уверенную в правильности и разумности методов воспитания дочери, с которой у нее не было ни доверительных, ни каких-либо других отношений. Энн же, внешне безропотно принимая навязанный ей образ жизни, отгородилась от него высокой стеной и целиком погрузилась в себя, в свой собственный мир, в который не было доступа ни матери, ни любому другому незваному и нежеланному гостю.

Ссылаясь на усталость, она закрывалась в своей комнате, где читала книги, тайком взятые в библиотеке.

ке, которые развивали ее ум и пробуждали фантазию. Энн вела два дневника. Один — для леди Кэтрин, которая раз в неделю проверяла ее записи. В нем описывались прогулки с миссис Дженкинсон, встречи с четой Коллинз, поучения матери и блюда, подаваемые за столом. Во втором она записывала свои мысли, интересные ей выдержки из книг, свои мечты — и тщательно его прятала.

По вечерам, если леди Кэтрин уезжала с визитом, а миссис Дженкинсон спала, Энн выскальзывала из дома — в розарий или цветник, чтобы в одиночестве насладиться красотой природы и подышать свежим воздухом. Днем она могла ездить на прогулки только в экипаже и в сопровождении компаньонки. Гулять пешком ей не разрешалось вовсе: ведь она могла устать, промочить ноги, поцарапаться о ветки, споткнуться, упасть, да мало ли какое несчастье могло случиться с единственным драгоценным отпрыском леди Кэтрин. Энн же мечтала о верховой езде, о массе других волнующих и приятных вещей, но все, что она могла, — лишь иногда нарушать строгие предписания матери, получая несказанное удовольствие от этих крох свободы.

Дворецкий Джолинс и еще несколько слуг, от которых невозможно было скрыть некоторые проступки, не выдавали Энн, искренне жалея девушку и сочув-

ствуя ее вовсе не завидному положению в родном доме, как ни странно было лакеям сочувствовать хозяйской дочери и богатой наследнице.

После небольшой суматохи Энн была посажена в фаэтон. Миссис Дженкинсон, едва экипаж тронулся с места, принялась рассказывать что-то о своих многочисленных племянницах, неоднократно выражая благодарность леди Кэтрин, которая была так добра, так великодушна, пристроив их гувернантками в rispetable семейства. Энн почти не слушала бесконечную трескотню своей спутницы, пытаясь получить хоть какое-нибудь удовольствие от поездки по весеннему парку. Она любовалась расцветающими рододендронами, распускающимися крокусами и нарциссами, украдкой подставляя свое бледное лицо солнечным лучам, которые порой с трудом пробивались сквозь пышную крону высоких деревьев.

— Мисс Энн! Мисс Энн! — вдруг воскликнула миссис Дженкинсон и изо всех сил замахала рукой с платочком. — Вон мистер Коллинз! Наш дорогой мистер Коллинз!

Энн и не заметила, как они подъехали к дому пастора прихода. Мистер Коллинз вынырнул откуда-то из-за садовых кустов и, чудно подпрыгивая на ходу, устремился к калитке, чтобы приветствовать дам

из Розингса. Он был настолько откровенен в своем стремлении всякий раз вовремя появиться перед фаэтоном, что мисс де Бер старалась выезжать из дома в определенный час. Таким образом, следуя курсом, проложенным леди Кэтрин для прогулок дочери по парку, Энн оказывалась у дома священника не раньше и не позже привычного отрезка времени, не заставляя мистера Коллинза напрасно ждать, а то и волноваться по поводу их отсутствия.

Кучер остановил лошадей, и пастор получил возможность выразить свое восхищение от встречи с дорогой мисс де Бер. Он поделился с ней своей радостью по этому поводу, задал с десятков вопросов о ее здоровье, самочувствии леди Кэтрин и произнес явно заготовленную фразу о «прелестном цветке Розингса, расцветшем в атмосфере всеобщего уважения и поклонения».

Энн машинально кивала и произносила приличествующие случаю слова, одновременно замечая, как за окном коттеджа, выйдя из него на дорогу, появились две незнакомые ей девушки, которые стали с любопытством рассматривать фаэтон и тех, кто в нем находился. В это же время на крыльце показался какой-то дородный господин и принялся издали отвечать почтительные поклоны прибывшим дамам. Следом за ним из дома вышла жена мистера Коллин-

за и, вежливо улыбаясь, поспешила присоединиться к мужу.

Миссис Коллинз была очень любезной молодой женщиной, не красавицей, но с приятным лицом и хорошими манерами. Держалась она с чувством внутреннего достоинства, что вызывало у Энн, выросшей в атмосфере подобоострастия, особую симпатию. Ей очень хотелось с ней сблизиться или даже подружиться, но она не решалась этого сделать. Да и вряд ли ей когда-нибудь удалось бы поговорить с миссис Коллинз на отвлеченные темы, так как мистер Коллинз и миссис Дженкинсон считали своим долгом самолично развлекать мисс де Бер, а присущая им болтливость не позволяла другим вставить и слово в беседу, которая всегда сводилась к восхвалению добродетелей хозяек Розингса.

Сейчас ей не хотелось задерживать на улице слишком легко одетую для нынешней погоды миссис Коллинз. Но та не могла вернуться в дом, пока мисс де Бер не уедет, а уехать во время тирады священника было невозможно. Мистер Коллинз, не обращая внимания на отсутствие теплой одежды у жены, продолжал обмениваться с миссис Дженкинсон бесконечными фразами о безмерной доброте леди Кэтрин и ее изумляющей заботе обо всех жителях поместья.

— Можете себе представить, уважаемая миссис

Дженкинсон, как были потрясены мои дорогие гости, когда увидели, каким вниманием мы здесь окружены благодаря усилиям нашей бесценной леди Кэтрин, — говорил пастор.

— Да, да, мистер Коллинз, как вы правы, как вы правы! — поддакивала ему миссис Дженкинсон.

Компаньонка имела много неприятных привычек, и одна из них — постоянный повтор собственных изречений. Видимо, она не была уверена, что на ее слова обратят внимание с первого раза.

— Мистер Коллинз, — Энн сумела вклинить в первую же паузу, которая образовалась, когда мистер Коллинз на мгновение умолк, чтобы набрать воздуха для очередной глубокомысленной фразы. — Леди Кэтрин просит вас и ваших гостей, если вы не планируете что-то другое, разумеется, — это уточнение Энн добавила от себя, поскольку матери и в голову не могло прийти, что мистер Коллинз рискнет вызвать ее неудовольствие и посмеет иметь какие-то планы, кроме как предстать перед обитателями Розингса в назначенное время, — принять приглашение на завтра, на обед.

— О, моя дорогая мисс де Бер, — воскликнул мистер Коллинз. Лицо его засияло. — Конечно! Конечно, мы придем! О, как я благодарю вас, как я благодарен леди Кэтрин!.. Непременно передайте глубочайшее по-

чтение, благодарность от меня, от нас всех, нашу признательность ее сиятельству...

Миссис Коллинз присоединилась к мужу с выражениями благодарности и всего примерно через четверть часа Энн, наконец, удалось прервать изливания польщенного до глубины души священника, и приказать кучеру трогать, чтобы продолжить несколько затянувшуюся из-за остановки у дома пастора прогулку.

— Вы видели гостей мистера Коллинза? — вечером спросила леди Кэтрин, расположившись после обеда в гостиной в обществе дочери и миссис Дженкинсон. В столовой леди Кэтрин рассказывала им о своем визите в дом леди Меткаф, где ей пришлось несколько задержаться, чтобы разъяснить своей приятельнице, как привести в надлежащий порядок клумбы с цветами и правильно приготовить рагу, которое из всей Англии умели готовить лишь в Розингсе, следуя личным указаниям леди Кэтрин.

— Да, миледи, но только издали, — запинаясь, сообщила миссис Дженкинсон, которая в присутствии своей хозяйки всякий раз удивительным образом теряла свою болтливость.

— И что они из себя представляют?

— Очень представительный джентльмен, такой представительный... Кланялся нам издали... с хоро-

шими манерами, — проямлила несчастная компаньонка.

— Посмотрим, — сухо произнесла леди Кэтрин. — Откуда могут быть манеры у какого-то сэра Лукаса? Впрочем, его дочь, миссис Коллинз, недурно держится, хотя мне и приходится частенько напоминать ей о некоторых вещах, которые должны быть известны каждой леди, тем более жене пастора такого большого прихода.

Миссис Дженкинсон, естественно, поделила точку зрения своей хозяйки, а Энн по обыкновению промолчала, мечтая при первой возможности удалиться к себе, чтобы отдохнуть от общества матери и компаньонки.

На следующий день наконец состоялось знакомство с родственниками мистера Коллинза. Леди Кэтрин бесцеремонно расспросила гостей об их жизни, привычках и занятиях, не упуская возможности прочитать очередное наставление и выдать неинтересные и в большинстве случаев ненужные советы.

Миссис Дженкинсон, которая при гостях не смела вступать в разговоры, все внимание обрушила на свою подопечную. Она подсовывала ей носовые платки, в которых Энн вовсе не нуждалась, как и в постоянно предлагаемых нюхательных солях; передвигала

с места на место защитный экран, а в столовой заглядывала в ее тарелку, не давая возможности съесть даже то, что было разрешено ей по диете.

Родственники мистера Коллинза совершенно потерялись под гнетом впечатлений от дома, обстановки, множества лакеев, изысканного стола и напором леди Кэтрин. Единственной среди гостей, кого не оглушило это великолепие и не запугали беззастенчивые допросы, оказалась молодая кузина мистера Коллинза — мисс Элизабет Беннет, которая спокойно, без угодливой откровенности отвечала на порой нескромные и иногда язвительные вопросы леди Кэтрин. Мисс Беннет держалась свободно, с уверенностью в себе, не краснея, не отводя глаз и не под бирая слов для каждой фразы.

Среди знакомых Энн не было подобных девушек. Кузина Джорджиана Дарси была до крайности застенчива и цепенела при виде леди Кэтрин, как и две другие кузины — леди Мэри и леди Сьюзен, дочери ее дяди, графа Уитингтона, обычно весьма бойкие девицы, в Розингсе выглядели тихими мышками.

Энн настолько восхитило мужество, с которым гостя противостояла ее матери, что она решила когда-нибудь последовать примеру мисс Элизабет и сделать новую попытку избавиться от постылой и даже ненавистой ей чрезмерной заботы матери и компа-

ньонки.

Пообщаться с так понравившейся ей гостьей Энн так и не решилась: она не умела общаться и с давно знакомыми людьми, заговорить же с человеком, которого видела впервые, казалось ей совершенно невозможным.

Все еще усугублялось тем, что на протяжении всего этого вечера, как и в последующие за ним дни, когда вся компания из Хансфорда приглашалась в Розингс, Энн было неловко за высокомерное обращение леди Кэтрин с гостями, хотя ей следовало давно привыкнуть к подобному поведению матери, распространяемому на тех посетителей поместья, кто не мог похвастаться равными семейству де Бер родственными связями. К тем, кто занимал высокое положение в обществе, леди Кэтрин относилась куда более уважительно.

– Мисс Элайза Беннет ведет себя вызывающим образом, – заявила леди Кэтрин своим домашним, едва за гостями закрылась дверь. – Она упряма, капризна, на все имеет свою точку зрения. В ней нет ни понимания своего положения, ни надлежащего воспитания, ни такта... Впрочем, откуда бы ей знать, как себя вести, если у нее не было даже гувернантки!

— Как верно, ваше сиятельство! Как верно вы это подметили! — заворковала миссис Дженкинсон.

Энн не могла смириться с такой несправедливостью и робко возразила:

— Мисс Беннет... она кажется довольно рассудительной...

— Мисс Энн! Что за вздорное заявление! Голова мисс Элизабет, может, и не настолько забита всякой чепухой, как у большинства молодых девушек, но называть ее рассудительной... — леди Кэтрин с осуждением посмотрела на дочь. — И не вздумайте сказать что-нибудь подобное при кузенах! Они намереваются приехать на Пасху.

Энн мало радости приносили визиты молодых и красивых кузенов, которые почти не обращали на нее никакого внимания. Но она всегда с нетерпением ждала их приезда, особенно одного из них.

Глава II

– Миссис Дженкинсон! Проследите, чтобы мисс Энн была подобающим образом одета.

Леди Кэтрин оценивающим взглядом окинула дочь и добавила:

– Думаю, ей подойдет новое зеленое платье и тюрбан, пожалуй... Да, тюрбан, – утвердительно сказала она и повернулась к Джолинсу, чтобы отдать последние распоряжения перед приездом племянников, чье появление в Розингсе ожидалось с минуты на минуту.

Энн поплелась за компаньонкой, представляя, как ужасно она будет выглядеть в платье и тюрбане, цвет и фасон которых удивительным образом подчеркивал и бледность ее лица и худощавость фигуры.

Леди Кэтрин заказывала гардероб для себя и дочери у лучшей модистки Лондона. Разумеется, она сама решала, как нужно сшить то или иное платье, выбирала фасоны и материал. Модистка не лезла к ней со своими советами, опасаясь лишиться богатой клиентки, и тщательно выполняла все указания, какие только приходили в голову достойной леди. В результате туалеты, стоившие баснословных денег, смотрелись на леди Кэтрин более-менее сносно только за счет ее

статности и величавого вида. Худенькой же и невысокой Энн совсем не шли слишком мрачные или чересчур блеклые балахоны с глухим воротом, чудовищного вида тюрбаны, которые делали ее похожей на пугало, и нелепые сооружения в виде башен, называвшиеся шляпами.

Переодевшись, Энн стояла перед зеркалом и с горечью смотрела на уродливое зеленое видение, в котором совсем не хотела узнавать себя.

«Неужели я – это бесцветное тощее существо?» – тоскливо думала она. Ведь она вовсе не была безобразна. Черты ее лица были правильны и даже утонченны. Ее можно было назвать хорошенькой, если бы... Если бы платье и худоба не уродовали ее фигуру, а нормальная еда немного округлила щеки. Долгие прогулки пешком улучшили бы землистый цвет лица, а немного смеха и радости придали блеск ее глазам, сейчас тусклым и печальным. И если бы вместо этого одеяния грязно-зеленого цвета на ней было светлое воздушное голубое, пусть даже светло-салатовое платье и кокетливые локоны, перевитые лентами...

От грез Энн оторвала миссис Дженкинсон. Она вошла в комнату и сообщила, что джентльмены прибыли и находятся сейчас в гостиной вместе с леди Кэтрин.

– Какая красавица, какая красавица! – фальшиво

кудахтала она, спускаясь вслед за Энн по лестнице. — И такое чудесное платье! Чудесное! Джентльмены будут покорены! Покорены...

Если джентльмены и были покорены, то этого не смог бы заметить даже самый заинтересованный наблюдатель. Они вежливо поприветствовали Энн и тут же забыли о ней, обратив все свое внимание на леди Кэтрин, как того и требовалось.

— Дарси, вы совсем мало внимания уделяете бедняжке Джорджиане, — внушала тетка племяннику, который с непроницаемым видом выслушивал ее сентенции. — Она писала, что за эти месяцы вы навестили ее всего несколько раз.

Леди Кэтрин сделала паузу, давая ему возможность объяснить свое поведение. Но тот промолчал. Не дождавшись ответа, она продолжила:

— Бингли, конечно, не самый худший из ваших друзей, но редкостный шалопай. Он никак не обоснуется на одном месте, заведя дурную привычку к переездам. В прошлом году он арендовал дом в Ричмонде, в этом — снял поместье в Хартфордшире. Ему давно пора остепениться, вот что я вам скажу, и не возражайте...

Дарси и не думал возражать .

— А его сестра Кэролайн так и не вышла замуж? Ей не стоит быть столь разборчивой — в ее-то возрасте и

с ее-то происхождением! Ей нужно было обратиться ко мне. Не сомневаюсь, я быстро нашла бы ей подходящего жениха. В прошлом году я посоветовала леди Нэшел, которая хотела женить своего сына, обратить внимание на младшую мисс Уокер. И что же? Он женился, вполне доволен семейной жизнью, а леди Нэшел не знает, как меня благодарить, — рассказала леди Кэтрин и опять обрушилась на Дарси:

— Уверена, ваше поместье запущено, управляющий — я-то знаю этих управляющих! — вас обманывает, а вы преспокойно путешествуете по всей стране, да еще в это время года.

— Вы зря беспокоитесь, тетушка, о моем поместье, — ответил Дарси. — Оно в превосходном состоянии.

— Хм, — недоверчиво пробормотала она. — Поверю вам на слово, сэр, но все же не стоит забывать о своей сестре и других родственниках, которые за вас переживают.

— Ни в коем случае, мадам. И мое присутствие здесь доказывает, что я вовсе не избегаю своих близких.

— В таком случае... — леди Кэтрин было смягчилась, но тут ее взор упал на второго племянника, который позволил себе улыбаться во время ее беседы с Дарси.

— Фицуильям! — воскликнула она. — На вашем месте я бы лучше подумала о своем будущем. Вам давно по-

ра подыскать себе подобающую невесту с состоянием, оставить армию и зажить добропорядочной жизнью.

— Непременно, мэм, — отвечал полковник, надеясь, что тетка переключится на другую тему. Но она, сузив глаза, воскликнула:

— Я все знаю о ваших эскападах, молодой человек! Фицуильям сделал трагическое лицо и возвел руки к небу.

— А я-то, несчастный, надеялся, что до вас не дойдут слухи о моих бесчинствах и пороках! — простонал он.

— Ну, хорошо, хорошо, — леди Кэтрин снисходительно улыбнулась.

Она была привязана к своим племянникам и могла позволить себе простить им некоторые их шалости. В конце концов, Фицуильям был вполне достойным джентльменом.

Она опять переключила свое внимание на Дарси, заговорив о своих планах по обновлению обстановки малой гостиной лондонского дома. Фицуильям, у которого не было как собственного дома, так и малой в нем гостиной, требующей обновления, вспомнил о кухне, которая безмолвно сидела рядом со своей компаньонкой.

— Как поживаете, малышка? — улыбнувшись, спросил он.

Едва Энн собралась ответить ему, как леди Кэтрин, считавшая, что Фицуильям должен слушать родную тетку, а не развлекать ее дочь, резко сказала:

– Мисс Энн! Что за манеры?! Вы облокотились на спинку дивана, хотя я вам тысячу раз говорила, что молодой леди не пристало так сидеть. Это вульгарно! Выпрямитесь!

Покраснев до корней волос, Энн последовала приказу леди Кэтрин, которая с чувством выполненного заботливой матерью долга, принялась за пересказ последних сплетен, полученных из Лондона.

Униженная девушка заметила участливые взгляды кузенов, что ввергло ее в еще более подавленное состояние.

«За что?! За что она так ненавидит меня?» – не в первый раз подумала Энн.

Впрочем, она давно поняла, почему мать так жестока по отношению к ней. Леди Кэтрин мечтала о сыне, но вместо него родилась дочь, к тому похожая на ее покойного мужа, которого она, судя по ряду признаков, не любила и не уважала. Казалось, ей доставляло удовольствие позорить собственного ребенка, не унаследовавшего ни ее внешности, ни ее характера.

Энн отчаянно хотелось уйти, но вместо этого она сидела, опустив глаза и до боли стиснув повлажневшие ладони. Леди Кэтрин же, перебив косточки всем

знакомым, перешла к рассказам о событиях в поместье, а затем упомянула о мистере Коллинзе, его жене и гостящих в их доме родственниках.

— Конечно, это не тот круг, который может быть приятен, но я считаю своим долгом проявить некоторую любезность по отношению к мистеру Коллинзу и его гостям, и показать им, что значит настоящее гостеприимство. Пожалуй, через недельку, да, да, в следующее воскресенье я приглашу их на обед, — решила она и посмотрела на полковника.

— Среди них две молодые девицы, которые могут — Фицуильям, я вам говорю! — показаться вам привлекательными. Хочу сразу предупредить: они низкого происхождения и обе бесприданницы. О Дарси я могу не беспокоиться — он человек ответственный и имеет представление о чести и долге. Но вы, Фицуильям, — она погрозила ему пальцем, — ведите себя достойно, и не вздумайте подавать бедняжкам надежду, которой не суждено осуществиться.

Фицуильям рассмеялся и заверил тетюшку, что все время будет об этом помнить.

— Мисс Мерая Лукас кажется весьма скромной девицей, — продолжила леди Кэтрин. — Но что касается мисс Элизабет Беннет...

Энн, которая как раз в этот момент подняла глаза, заметила, как при упоминании последнего имени на-

пряглось лицо Дарси.

— ...мисс Беннет — особа слишком независимая и бойкая для своего положения. Я была удивлена, Дарси, когда узнала, что вы знакомы со всей этой компанией.

— Мы встречались, когда я гостил у Бингли, — коротко ответил он.

— Эге, Дарси, так вы уже знакомы с этими юными леди? Он всегда меня опережает, — шутливо пожаловался Фицуильям.

Но леди Кэтрин не приняла шутки и последующей тирадой указала ему на опасность легкомыслия, неразборчивости в знакомствах и посоветовала брать пример с серьезного и почти во всех отношениях положительного мистера Дарси, на которого у нее были, кстати сказать, свои виды.

Дарси был красив и обладал всеми качествами, какие только желают увидеть в своем избраннике девушки на выданье. Но вовсе не по этим причинам леди Кэтрин решительно предназначала его в мужья своей дочери, ссылаясь на некую договоренность, якобы заключенную с его матерью, ее родной сестрой. Энн подозревала, что эта договоренность была порождена исключительно воображением ее матери, которая прямо-таки жаждала видеть своим зятем любимого

племянника.

Одна мысль, что Розингс когда-нибудь достанется — нет, не охотнику за приданым, такого леди Кэтрин никогда, разумеется, не допустит, — а постороннему человеку, который будет распоряжаться в Розингсе, для нее была невыносима. Поместье должно остаться в семье, а Дарси был самым подходящим кандидатом на роль наследника. Объединение двух состояний представлялось ей весьма здравомыслящей идеей. Точка зрения племянника по данному вопросу ее не интересовала — она была убеждена, что он далеко не глуп и не откажется от богатства, которое легко может заполучить, а мнения дочери леди Кэтрин не предполагала и спрашивать.

Все тщательно обдумав, она, со свойственной ей настойчивостью, начала осуществлять свои замыслы.

Многозначительными и довольно прозрачными намеками она распространяла слухи о договоре, будто бы заключенном в раннем детстве между Дарси и Энн их родителями. Также леди Кэтрин делилась с Дарси своими задумками по переустройству поместья, как бы предполагая, что именно он в будущем проведет их в жизнь или проследит за их благополучным завершением.

Дарси, если и догадывался о чем, пока молчал и никак не реагировал на ухищрения тетки, поэтому Энн

надеялась, что он не согласится на предполагаемый брак. Она с симпатией относилась к Дарси, но робела перед его суровостью. У него был сильный характер, который слишком напоминал ей собственную мать. Это давало ей основания предполагать, что таким замужеством, если оно состоится, она поменяет одну золоченую клетку на другую.

По его ровному, вежливому к ней отношению Энн понимала, что он не только не испытывает к ней никаких чувств, но и не будет ни любить ее, ни уважать. И хотя она, может быть, и не заслуживала ни любви, которой никогда не знала, ни уважения, которого никогда не имела, ей все же хотелось быть для своего будущего мужа хоть немного желанной.

Обществу Дарси она всегда предпочитала компанию второго кузена, полковника Фицуильяма. Он не был так красив, как Дарси, но обладал приятной внешностью, природным дружелюбием, а главное — он всегда был добр к ней, пытался с ней разговаривать и даже шутить. Он был единственным мужчиной, который обращал на нее хоть какое внимание, за что она была ему очень благодарна. Потому Энн была привязана к нему, как ни к кому другому в своей жизни, всегда ждала его приезда и сочла бы себя влюбленной, если бы смогла определить и понять это чувство.

На следующий день после приезда Дарси и Фицуильяма в Розингс явился мистер Коллинз, чтобы засвидетельствовать свое почтение джентльменам. Молодые люди к тому времени успели насытиться компанией леди Кэтрин и воспользовались визитом пастора как предлогом уйти из дома. Фицуильям выразил желание познакомиться, а Дарси – возобновить знакомство с миссис Коллинз и молодыми леди, у нее гостившими. Энн понимала, что в Хансфорде кузенам было теперь куда как интереснее и веселее, нежели с дамами Розингса и ожидала, что они станут частыми гостями пасторского дома.

И действительно, Фицуильям то и дело туда навещался. Дарси порой присоединялся к нему, хотя делал это куда реже.

Погода в эти дни стояла пасмурная и ветреная, на улицу Энн почти не пускали, и она с завистью наблюдала из окна, как по утрам молодые джентльмены уезжали на верховую прогулку или отправлялись пешком на прогулку по парку. В остальное время они слушали наставления леди Кэтрин, играли на бильярде или располагались в библиотеке, читая свежие газеты и новые романы, выписываемые из Лондона.

Поначалу казалось, что приезд кузенов никак не повлиял на скучную и размеренную жизнь Энн, и ни-

что в ней не изменит. Она по-прежнему была вынуждена довольствоваться обществом миссис Дженкинсон и теми занятиями, которые леди Кэтрин для нее выбирала. Энн оставалось только мечтать, что Фицуильям как-нибудь обратит на нее внимание. И в одно прекрасное утро, которое на самом деле было пасмурным, ее мечта осуществилась.

Все началось с того, что после завтрака все занялись своими делами: леди Кэтрин составляла меню на воскресный обед, Дарси удалился в кабинет, чтобы написать письма, а полковник бесцельно бродил по гостиной. Заметив Энн, сидевшую у окна с вышивкой в руках, он подошел и поинтересовался ее здоровьем.

— Благодарю вас, кузен, я прекрасно себя чувствую,
— ответила она.

— Тогда почему вы сидите в четырех стенах? Последние дни вы не выходили из дома.

По обыкновению за Энн ответила ее мать:

— Мисс Энн вредна холодная погода. Вы же знаете, Фицуильям, какая она болезненная.

— Разве?! — весело спросил полковник. — Ни разу не видел, чтобы кузина болела. Или она заболевает только в мое отсутствие?

— Вы не так часто посещаете Розингс, чтобы знать, сколько хлопот она доставляет мне своими болячками, — отрезала леди Кэтрин. — Посмотрите на нее:

неужели она похожа на здоровую девушку?

Энн стиснула пальцы, стараясь не заплакать. В который раз ее унизили перед кузеном! Болезненная?! Да она выглядит так плохо только благодаря усилиям собственной матери, готовой уморить ее голодом и лекарствами. Не говоря об одиночестве и полном отсутствии даже самых маленьких радостей, что уж точно не красило ее.

Энн настолько погрузилась в свои переживания, что только спустя несколько минут услышала голос леди Кэтрин, которая, забыв о меню, с упоением перечисляла воображаемые болезни, которыми ее дочь, кстати говоря, никогда не болела.

— ...мигрени, одышка, желудочные колики, расстроенные нервы, бессонница, — перечисляла она. — Мистер Эндрюс считает...

О да, мистер Эндрюс, домашний лекарь, готов был приписать Энн любые заболевания, отлично зная, что ожидает услышать от него леди Кэтрин за более чем щедрое жалованье. Он неумоимо привозил Энн многочисленные порошки, микстуры и притирания, от которых она избавлялась, тайком выливая жидкости в окно и следом вытряхивая порошки, вместо того чтобы принимать их внутрь или снаружи. Что, впрочем, не мешало ничего не подозревающему мистеру Эндрюсу при последующих посещениях своей пациентки

отмечать, как ей помогли его препараты и назначать повторный курс лечения.

— Но сейчас-то она хорошо себя чувствует, — сказал Фицуильям, остановив тетнины излияния. — И порция свежего воздуха ей не помешает. Кузина, укутайтесь хорошенько, я прокачу вас на фаэтоне.

Леди Кэтрин возмущенно посмотрела на племянника, но промолчала, не желая с ним ссориться. Она знала, каким упрямым он может быть, если что-то взбредет ему в голову.

— Накиньте меховой плащ и возьмите теплые перчатки, — сказала она дочери. — И предупредите миссис Дженкинсон, что она едет с вами на прогулку.

— Только не миссис Дженкинсон, — возразил полковник. — О чень милая дама, конечно, но я предпочитаю прогуляться с кузиной наедине.

— Неужели вы думаете, Фицуильям, что я могу отправить свою дочь без компаньонки...

— Дорогая тетя, — он поймал и поцеловал ее руку, — никто не осудит, если ваша дочь проедется с кузеном по парку. Обещаю не везти ее ни в какие злачные места и на неблагопристойные представления, даже столь невинные, как петушинные бои.

Спустя полчаса невыразимо счастливая Энн сидела в фаэтоне с Фицуильямом. Он сам правил лошадей, отказавшись от услуг кучера.

Полковник и не собирался ехать степенным шагом, которым только и возили Энн. Отъехав от дома мелкой рысью, он поднял лошадей в галоп.

— Нравится? — спросил он, взглянув на порозовевшую от удовольствия девушку.

— Очень ! — прошептала она, не находя слов, чтобы выразить свое блаженство.

Фицуильям захотел поехать с ней на прогулку! Фицуильям добился у леди Кэтрин разрешения самому ее покатасть! Он хотел побыть с ней наедине, без докучливой компаньонки и даже не взял с собой кучера!..

Душа Энн ожила и зацвела, а в стене, отгородившей ее от всех, появилась глубокая трещина. Впервые за всю свою жизнь она почувствовала себя... живой.

— Не холодно? — он сделал лихой поворот, аккуратно вписавшись в изгиб дороги.

— Нет, сэр, вовсе нет, — Энн с восхищением посмотрела на четкий профиль кузена. — Все замечательно! Я так благодарна вам, что вы уговорили маму отпустить меня с вами.

— Не стоит благодарности! — ответил он. — Тетя не так сурова, как кажется. Просто с ней нужно уметь обращаться.

Фицуильям опять перевел лошадей на рысь и посмотрел на кузину:

– У вас заблестели глаза, – улыбнулся он, – что только доказывает, насколько вам полезны прогулки на свежем воздухе.

– Я вовсе не настолько болезненна, как утверждает мама, – сказала Энн, решив несколько реабилитировать себя перед кузеном. – Они с мистером Эндрюсом очень хотят найти у меня самые разнообразные заболевания. Когда же болезней не обнаруживают, то принимают это за тревожный симптом неизвестного современной медицине недуга и приступают к еще более усердному лечению.

Полковник рассмеялся.

– Так они вас уморят совместными усилиями, кузина, если вы не найдете против их методов своего радикального средства.

– Пока не получается, – грустно сказала она. – Я пыталась когда-то, давно, но...

– Возьмите штурмом Бастилию, малышка, – посоветовал он. – Взбунтуйтесь, откажитесь от лекаря и пригрозите леди Кэтрин, что иначе выкинете нечто несусветное и дадите пищу для разговоров всей округе на несколько лет вперед. Тогда она оставит вас в покое.

Одна мысль о таком развитии событий одновременно пугала, но и настолько захватывала дух, что Энн решила пооткровенничать:

— Вы знаете, иногда с мамой бывает так трудно. Да еще миссис Дженкинсон...

— О, миссис Дженкинсон относится к тому типу людей, чьи достоинства гораздо лучше оценивать на расстоянии. Назначьте ей щедрую пенсию и проводите на покой.

— Я бы сделала это с радостью, но у меня нет средств, а леди Кэтрин...

— Вижу, ваше время еще не пришло, кузина. Но предчувствую, когда-нибудь настанет день, который положит предел вашему беспредельному терпению. И тогда земля содрогнется!

Она лишь улыбнулась, не представляя себе подобного исхода событий, но ей было необыкновенно приятно, что Фицуильям так хорошо о ней думает, верит в ее силы и характер.

Полковник придержал лошадей и перевел их на шаг, чтобы они немного отдохнули. Ему было откровенно жаль свою маленькую робкую кузину, под авленную железной волей леди Кэтрин. Он замечал ум и пытливость в ее глазах, видел, как она оживлялась в отсутствие матери и застывала при ее появлении. Фицуильям догадывался, что Энн понимает, насколько неестественно ее зависимое положение, которое она переносила без возражений, жалоб или просьб. Сам

полковник не верил, что она когда-нибудь решится противостоять своей матери, ему лишь хотелось как-то подбодрить ее, выразив, таким образом, свое сочувствие, в котором она определенно нуждалась. Кузина была слишком слабовольна, чтобы заслужить его уважение, но ничто не мешало ему проявить к ней участие – это его ни к чему не обязывало, да и ничего не стоило

Дорога повернула, и они оказались у пасторского дома, куда Фицуильям не без умысла направил фаэтон, желая увидеть прелестную мисс Беннет, которая с каждой встречей все более и более завладевала его мыслями. У калитки их уже поджидал мистер Коллинз. От него он узнал, что дамы отправились на прогулку в близлежащую деревню. Потому, вскоре после традиционного набора приветствий, замечаний о погоде и прощаний, слегка раздосадованный полковник развернул фаэтон к Розингсу.

По дороге он поинтересовался мнением Энн о гостях пастора и, услышав, что она искренне очарована мисс Беннет, заговорил о предмете своей привязанности, выражая восхищение внешностью, манерами и умом мисс Элизабет и при этом даже не подозревая, что его слова ранят вновь ставшую молчаливой кузину.

Глава III

Наконец наступило долгожданное для всех воскресенье, когда к обеду в Розингс были приглашены обитатели пасторского дома. У всех участников предполагаемого события были свои явные или скрытые мотивы, по которым они с нетерпением ожидали этот вечер.

Леди Кэтрин желала поразить чету Коллинзов и его гостей еще более роскошными блюдами, а также выдать каждому из них ряд указаний, которые были ею к этому времени подготовлены.

– Мистеру Коллинзу нужно подправить изгородь, – сказала днем леди Кэтрин, окидывая взглядом букеты цветов, расставленные в гостиной. – Не забыть ему об этом сказать...

– У вас прекрасная память, тетушка, – ухмыльнулся Фицуильям, который развалился с газетой в кресле. – Уверен, вы никогда ничего не забываете.

– Да? – леди Кэтрин с подозрением посмотрела на него. – Вы зачастили в Хансфорд, Фицуильям. Надеюсь, вы помните, о чем я вас предупреждала?

Полковник только пожал плечами и скрылся за газетой. Он не строил серьезных планов в отношении

мисс Беннет. Как младший сын графа, Фицуильям не наследовал семейную собственность. У него было, конечно, кое-какое состояние, но он не мог позволить себе жениться на бесприданнице. В данном случае речь шла лишь о том, чтобы провести вечер в приятной беседе с хорошенькой девушкой, что он с удовольствием и предвкушал.

— Мисс Мерайе Лукас вовсе не идет розовый цвет, как она полагает, — продолжала леди Кэтрин. — Голубой или желтый ей будет больше к лицу. Придется ей порекомендовать заглянуть в деревенскую лавку, где я видела подходящие отрезы.

На этот раз ей никто не ответил.

Миссис Дженкинсон предвкушала предстоящую встречу с мистером Коллинзом, которого считала на редкость глубокомысленным человеком. Еще она прикидывала, какие блюда будут поданы на стол, поскольку втайне была склонна к чревоугодию.

Дарси размышлял о том, хочет ли он вновь встретиться с мисс Беннет. Доводы рассудка определенно проигрывали желанию вновь ее увидеть, хотя он и имел такое счастье не далее, как сегодня утром в церкви.

Энн пыталась разобраться в своих противоречивых чувствах. После прогулки с Фицуильямом, когда она сначала была так счастлива, а потом так расстро-

ена его нескрываемым интересом к мисс Беннет, кузен проявлял к ней не больше внимания, чем к миссис Дженкинсон. Энн придумывала совсем неубедительные оправдания его поведению, объясняя их множеством столь же неубедительных причин: что при леди Кэтрин он не мог подойти к ней, поскольку ее мать не переносила, когда кто-то другой, а не она сама, являлся центром внимания; что его раздражало присутствие компаньонки, которая всегда вмешивалась в разговоры со своими поддакиваниями и не давала никакой возможности перейти к другим темам, кроме погоды и леди Кэтрин. Но при гостях, когда ее мать будет отвлечена другими, а миссис Дженкинсон прилипнет к мистеру Коллинзу, Фицуильям, возможно, все же вспомнит о ней. Энн надеялась на это, и не надеялась. Думая о том, как ей хотелось бы поговорить с ним, смотреть в его глаза и слышать его голос, она с мукой вспоминала, как он пренебрег ею, хотя и прекрасно сознавала, насколько она проигрывает рядом с яркой, полной жизненной силы мисс Беннет.

Гости пришли, и вечер шел своим чередом. Собравшись в гостиной, все общество переместилось в столовую, откуда затем вернулось в уже сытом и располагающем к неторопливой беседе благодушном состоянии.

— Ваше сиятельство, — обратился к хозяйке мистер Коллинз, — позвольте ли вы довести до вашего сведения, что мистер Лестнер, ваш арендатор, поссорился с мельником. Они не могли разъехаться с повозками на мосту, поскольку ни один из них не хотел уступить дорогу другому. Неблагодарный характер и вспыльчивость мистера Лестнера привели к тому, что он сбросил мельника в воду и...

— Очень хорошо, мистер Коллинз, — сказала леди Кэтрин, довольная, что священник сам, без поощрений и напоминаний, доводит до ее сведения все, даже самые незначительные происшествия в округе. — Я займусь этим делом завтра же.

Воодушевленная возможностью принести очередную пользу и справедлив о рассудить спорщиков, она обратилась к Дарси, желая выяснить, с таким ли усердием, как его родственница, он водворяет мир и согласие в Пемберли, и заодно дать ему советы, каким образом это лучше сделать.

Мистер Коллинз, который уже неделю обдумывал, как вновь произвести самое благоприятное впечатление на леди Кэтрин и Дарси, богатого патрона доходных приходов, изрядно удовлетворенный своим пришедшимся так кстати сообщением, обратился к молодой наследнице с рассказом о новой проповеди, над которой он начал работать.

Его жена и родственницы имели не меньше оснований ожидать от этого вечера собственных маленьких радостей.

Миссис Коллинз всегда была рада разбавить компанию своего мужа другими людьми. Мисс Мераяя Лукас была польщена приглашением в Розингс и вниманием столь значительных особ. Мисс Беннет надеялась на приятное общение с полковником Фицуильямом, предполагая также понаблюдать за взаимоотношениями Дарси и мисс де Бер, которую предназначали ему в жены, и тем отчасти удовлетворить свое любопытство.

Как обычно бывает, надежды только некоторых из присутствующих оправдались в полной мере, других — лишь частично, и лишь для Энн этот вечер обернулся сплошным разочарованием.

Фицуильям сразу устроился рядом с мисс Беннет и беседовал с ней — до обеда, во время и после него — на любые темы, какие только приходили в голову. Затем он последовал за ней к фортепиано и до конца вечера не отходил от нее ни на шаг. Дарси вскоре присоединился к ним, и даже леди Кэтрин не смогла отвлечь его и усадить в соседнее с собой кресло. Она метнула недовольный взгляд в сторону весело беседующей троицы и язвительно сказала:

– Мисс Беннет удивительно легко обзаводится друзьями среди джентльменов.

На это ответила лишь миссис Дженкинсон, пробормотав «как вы правы, ваше сиятельство, как правы», а смущенный мистер Коллинз при содействии своей несколько встревоженной жены неловко перевел разговор на другую тему.

Энн наверняка выглядела нелепо в дорогом, ей совсем не идущем бледно-малиновом платье с бесчисленными воланами. И эту нелепость только усугубляли пышные перья в волосах, уложенных в высокую прическу, ее еще сильнее уродовавшую.

Вечер для нее тянулся особенно долго и мучительно. Поначалу Энн если и надеялась, что на ее долю придутся хоть какие крохи радости, то скоро распрощалась с этими надеждами. Дело было вовсе не в бесконечных комплиментах мистера Коллинза, замечаниях матери и пристаиваниях миссис Дженкинсон, – она к тому давно привыкла. Ей было неприятно и тяжело видеть, как Фицуильям все свое внимание уделяет другой девушке, мисс Беннет же и вовсе игнорировала ее, оттого Энн особенно остро ощущала себя лишней и никому не интересной.

Самое же неприятное случилось, когда она случайно заметила, что мисс Беннет вскользь глянула на Дарси, а затем посмотрела на нее, и в ее взгляде Энн

скорее почувствовала, чем увидела, едва уловимое презрение и насмешку, отчего ощутила такую сильную боль, словно ее ударили по лицу.

Она никогда так не бывала задетой пренебрежением собственной матери и снисхождением других родственников, как этим беглым взглядом симпатичного ей человека, чью дружбу и расположение совсем недавно ей хотелось приобрести. И как Энн ни уговаривала себя, что ей это почудилось, она не могла избавиться от ощущения неприязни со стороны мисс Беннет. Энн не понимала, за что та может испытывать к ней подобное нерасположение, и предположила, что все дело в ее неприглядном виде и робости, столь противоположным облику и натуре самой мисс Беннет.

Более она старалась не смотреть в ее сторону, хотя украдкой порой наблюдала за кузенами, которые, в свою очередь, явно получали удовольствие от общения с гостьей из Хансфорда. Фицуильям улыбался и выглядел вполне довольным собой и своей собеседницей. Дарси был невозмутим и сдержан, хотя в его взгляде на мисс Беннет можно было заметить искреннее ею восхищение.

Энн еле досидела до ухода гостей и провела беспокойную ночь. Утром, сославшись на плохое самочувствие, она отказалась покидать свои комнаты к

вящему удовлетворению своей матери, которая наконец получила подтверждение слабого здоровья дочери. Леди Кэтрин сделала вывод, что все это произошло из-за частых приемов гостей и прогулок в ветреную погоду, и тут же послала за врачом.

Все последующие дни, пока кузены пребывали в Розингсе, Энн редко появлялась внизу, пользуясь предлогом нездоровья, предпочитая оставаться в своих комнатах. Но она знала, что Фицуильям и Дарси каждый день посещают Хансфорд, и несколько раз из верхнего окна мельком видела прогуливавшуюся по парку мисс Беннет то с одним, то с другим джентльменом.

Энн почти смирилась с происходящим, но старалась избегать общества Фицуильяма, поскольку один только его вид мешал ей восстановить душевное равновесие, и с нетерпением ждала, когда он уедет.

Дарси тем временем несколько раз откладывал свой отъезд из Розингса, и Энн думала, что он задерживается по просьбе кузена, который хочет до отъезда устроить свои личные дела. И ее пугала мысль, что не сегодня-завтра Фицуильям объявит о своей помолвке с мисс Беннет.

* * *

В один из дней леди Кэтрин отправилась по делам в деревню и вернулась в сильном волнении.

— Где джентльмены, Джолинс? — спросила она, едва зайдя в дом.

— Мистер Дарси в библиотеке, ваше сиятельство, а мистер Фицуильям на прогулке, — отвечал дворецкий.

Леди Кэтрин быстро вошла в библиотеку и упала в ближайшее кресло.

— Дарси, мне срочно нужно с вами поговорить!

Дарси, удивленный столь явным волнением обычно сдержанной тетки, вежливо осведомился:

— Что случилось, миледи?

— Меня беспокоит Фицуильям, — сообщила леди Кэтрин, приложила к виску кружевной платочек, после чего многозначительно сказала:

— Мистер Коллинз рассказал мне ужасные вещи. Оказывается, он много времени проводит с мисс Беннет!

— Мистер Коллинз много времени проводит с мисс Беннет? — недоуменно переспросил Дарси.

— Да нет же! — досадливо отмахнулась леди Кэтрин, — Фицуильям! Мистер Коллинз уверен... По ряду признаков, Фицуильям сильно увлечен мисс Элайзой Беннет, слишком сильно, а она, похоже, отвечает ему взаимностью.

– Мадам, что вы такое говорите!?! – вскричал Дарси и казалось на мгновение потерял самообладание.

– То и говорю, – насупилась леди Кэтрин. – Мистер Коллинз подозревает, что объяснение или уже состоялось, или вот-вот состоится.

– Кузен вовсе не собирается жениться на мисс Беннет!

– Он вам так сказал?

– Нет, но...

– А мистер Коллинз предполагает обратное. Боже, что скажет мой брат?! Это же позор для семьи!

Дарси вдруг вскочил и в смятении зашагал по комнате.

– Этого не может быть, – наконец сказал он.

– Почему не может? – леди Кэтрин переложила платочек к глазам. – Я видела, что Фицуильям уделяет ей особое внимание. На обеде он не отходил от нее, а теперь они видятся каждый день. Я подозревала, что он легкомысленный, но до такой степени... Дарси, мы должны спасти Фицуильяма от неразумного брака!

Дарси помрачнел:

– Как он может жениться? У него нет средств содержать семью, а у нее... – голос его дрогнул, – нет приданого.

– Признаться, я надеюсь только на это. Но если он слишком увлекся и сделал ей предложение, то будет

трудно разорвать помолвку. Для этой особы Фицуильям – редкая удача, и она ни за что не откажет ему, если он попросит ее руки. Но я не позволю этому произойти! А если... Я заставлю ее вернуть ему слово! И так некстати я именно сегодня пригласила Коллинза и его родственниц на чай!

В библиотеке воцарилось молчание.

– Если они еще не помолвлены – наконец, сказала леди Кэтрин, – его надо срочно увезти отсюда, пока не слишком поздно. Не подумайте, что я выставляю вас, но...

Ее племянник подошел к камину, облокотился о каминную полку, и, казалось, не слышал ее, сосредоточенно думая о чем-то своем.

– Мне нужно поговорить с ним и объяснить всю опасность такого брака. Ему нужна девушка совсем другого происхождения, с хорошим приданым. О, Господи! Породниться с Коллинзами! Я этого не допущу! И что скажет мой брат?! Я немедленно пошлю за Фицуильямом...

Но едва она проговорила эти слова, как виновник переполоха собственной персоной появился в дверях библиотеки.

– В этом доме можно выпить чаю? – осведомился он и прошел к столику, где стоял графин с хересом.

Налив себе полбокала, он присел на кушетку и посмотрел на Дарси и тетку.

— Что-то случилось? У кухни ухудшилось самочувствие?

— Мисс Энн в полном порядке! — раздраженно воскликнула леди Кэтрин. — Она здесь ни при чем. Мы переживаем за вас, Фицуильям!

— За меня?! А что случилось со мной?

— Если и не случилось, то вот-вот может случиться, — отрезала она и впилась взглядом в племянника. — До нас дошли слухи, что вы ухаживаете за мисс Беннет, что дает ей основания надеяться...

— И откуда же такие сведения? — рассмеялся полковник. — А, догадываюсь... Милейший мистер Коллинз проявляет беспокойство по поводу своей кухни, тревожась, что она может получить больше, нежели он ей предопределяет.

— На его месте вполне естественно чувствовать тревогу за девушку, вверенную его попечительству, — строго сказала леди Кэтрин. — Конечно, он поделился со мной своими волнениями, и я считаю своим долгом...

— Ради Бога, тетя! — Фицуильям отпил вина и откинулся на спинку кресла. — Я не ребенок и могу самостоятельно принимать решения, касающиеся своей жизни.

– Вы сделали ей предложение?! – ахнула леди Кэтрин.

Фицуильям не был настолько влюблен в мисс Беннет, чтобы задумываться о женитьбе на ней, и был уверен, что не дал мисс Беннет никаких поводов отнестись к их встречам более серьезно, чем они собой представляли. И хотя она казалась вполне разумной девушкой, которая не видит в каждом встреченном ею мужчине будущего мужа, на всякий случай, не имея привычки играть с сердцами юных леди, не далее как сегодня утром вполне определенно дал ей понять, что его положение не позволяет ему жениться на девице без состояния, и мисс Беннет спокойно и с пониманием отнеслась к его словам. Поэтому суматоха, устроенная его теткой, показалась ему забавной. Он решил немножко подшутить на ней и, с нарочито озабоченным видом, сказал:

– Пока не сделал, но... Кто знает? Вполне возможно, что это произойдет. Или... нет...

Откровенно неодобрительная реакция леди Кэтрин вынудила его продолжить:

– Мисс Беннет – чудо как хороша! Если бы у меня было состояние, как у Дарси, тогда меня ничто бы не остановило, хотя и в своем положении, боюсь, мне трудно отказаться от нее. Она на редкость мила...

– Она – наглая кокетка! – возмутилась леди

Кэтрин.

– Ничего подобного, и вы это знаете, хотя и пытаетесь приписать ей столь неприглядное качество. Мисс Беннет красивая, жизнелюбивая девушка, общество которой приятно и никогда не наскучит. Естественно, она нравится мужчинам.

Фицуильям посмотрел на Дарси и только теперь заметил его мрачный вид:

– Разве я не прав, кузен? Вы ведь тоже не прочь поухаживать за ней? Может быть, вы именно сейчас со столь сосредоточенным видом раздумываете, не сделать ли ей предложение? Тогда поспешите, пока кто-нибудь другой не увел ее из-под вашего носа, хотя бы я.

Он думал, что Дарси развеселит его предположение, но тот слишком серьезно спросил:

– И вы спокойно к этому отнесетесь?

Фицуильям поднял бровь, размышляя о странном поведении кузена, будто Дарси ревнует его к мисс Беннет. Это казалось слишком неправдоподобным, но Фицуильям вовсе не собирался издеваться над его чувствами, если тот их испытывал. Поэтому он как можно небрежнее взмахнул рукой и притворно возмутился:

– Разве я похож на собаку на сене?! И если я в своем почти нищенском положении не могу на ней женить-

ся, то буду только счастлив назвать мисс Элайзу своей сестрой...

— Никогда — слышите? — никогда Дарси не уронит свою честь и не забудет о своем долге! — воскликнула пораженная в самое сердце леди Кэтрин.

— Вы так думаете?! — Дарси посмотрел тяжелым взглядом на тетку и вышел из библиотеки.

— Фицуильям, как вы можете так шутить?! — леди Кэтрин с негодованием напустилась на племянника.

— Все не так ужасно, как вам могло показаться, мадам, — полковник рассмеялся и принялся ее успокаивать.

В конце концов леди Кэтрин уверовала, что мистеру Коллинзу изменила его проницательность и он слишком серьезно воспринял несколько невинных встреч и прогулок Фицуильяма с мисс Беннет.

Вполне умиротворенная заверениями Фицуильяма, что де он и не думал, и в мыслях у него не было, леди Кэтрин поднялась в свои покои, чтобы приготовиться к встрече гостей из Хансфорда и при случае поставить на место дерзкую девчонку, чуть не поймавшую в свои сети одного из ее племянников. Мысль о том, что Дарси может быть увлечен мисс Беннет, после некоторого обдумывания она тут же отмела: по сравнению с происхождением, связями и богатством ее дочери эта ничтожная особа очевидно проигрыва-

ла и Дарси, конечно же, не мог этого не видеть.

Вечером компания из Хансфорда явилась не в полном составе, объяснив отсутствие мисс Беннет внезапным недомоганием.

Леди Кэтрин была этим вполне довольна и даже не встревожилась, когда Дарси, просидев какое-то время с гостями, извинился и вышел. Она намеревалась лишь впоследствии потребовать от него объяснений, что за дела заставили его покинуть общество.

Но Дарси так и не вышел к гостям, а на следующий день был непривычно угрюм и еще более молчалив. Он объявил, что собирается уехать завтра поутру. Фицуильям стал было подтрунивать над дурным настроением кузена, но вскоре оставил его в покое, подозревая, что причина этого была серьезнее, чем он мог предположить. Не собираясь лезть в его душу, Фицуильям решил заодно не пускать туда и леди Кэтрин, и с небывалой готовностью целый день выслушивал все ее советы и даже обещал руководствоваться ими всю ближайшую неделю, а то и две. Леди Кэтрин, в свою очередь, приписала плохое настроение Дарси его нежеланию расставаться с ней и мисс Энн.

Когда ее племянники наконец покинули Розингс, а

опасения леди Кэтрин не получили подтверждения, она пребывала в столь благодушном расположении духа, что даже простила мисс Элизабет и почти вернула ей свое расположение. Чета Коллинзов и их родственницы в этот день даже получили приглашение на обед, и ее сиятельству было с кем обсудить отъезд джентльменов, а также показать мисс Элайзе Беннет, что значит настоящее христианское всепрощение.

Энн вышла к гостям только потому, что общество одной миссис Дженкинсон ее слишком утомило и его требовалось разделить с кем-нибудь еще. Поскольку кузенов уже не было, она посчитала, что вполне в состоянии вынести компанию мистера Коллинза и иже с ним.

Мисс Элизабет, как показалось Энн, чем-то была огорчена, хотя и старалась выглядеть веселой. Приписав ее подавленное состояние отсутствию Фицуильяма, она вполне могла представить, какое разочарование постигло мисс Беннет, если та рассчитывала получить предложение от полковника, который так и не оправдал ее надежд. Вместе с тем сама Энн чувствовала огромное облегчение от того, что кузен ни с кем не связал себя известными обязательствами.

Едва разговор зашел об отъезде молодых людей, и леди Кэтрин рассказала присутствующим, насколько

были огорчены разлукой с ней и расставанием с Розингсом ее племянники, особенно Дарси, мистер Коллинз не упустил случая воскликнуть:

— Как же, ваше сиятельство! Ведь здесь остались надежды и сердце мистера Дарси, без которых он, смею предполагать, вряд ли сможет обходиться долгое время. Смею высказать предположение, что скоро мы будем иметь удовольствие не только видеть здесь глубокоуважаемого мистера Дарси, но и принимать его в несколько другом, но от этого не менее, а даже более почетном статусе...

Все присутствующие улыбнулись. Но если леди Кэтрин была весьма довольна столь деликатным намеком на желаемое событие, то Энн нашла подобное заявление мистера Коллинза, по меньшей мере, неуместным и нелепым. На губах мисс Беннет проскользнула улыбка, скорее насмешливая, нежели вызванная какими-либо другими чувствами.

В остальном вечер прошел как все другие подобные вечера, разве что леди Кэтрин все свое внимание уделила мисс Беннет и мисс Лукас, которые в ближайшее время должны были покинуть Хансфорд. Девуцы получили подробнейшие советы и рекомендации по поводу предстоящей поездки, а именно: какой дорогой следует ехать, как придерживаться в пути правил хорошего тона, в каком порядке следует уклады-

вать вещи, где менять лошадей , и прочим немаловажным, с точки зрения леди Кэтрин, деталям. В приступе благотворительности ее сиятельство предложила подвезти одну или даже двух девиц в своей карете до Лондона, если они задержаться в Хансфорде еще на месяц. Но поскольку ее столь щедрое предложение было вежливо отклонено, она продолжала неумоимо наставлять девиц, не упуская ни одной мелочи, еще целую неделю, вплоть до самого их отъезда.

Глава IV

Только после того, как племянники покинули Ро-
зингс, леди Кэтрин спохватилась, что так и не погово-
рила с Дарси о его женитьбе на мисс Энн. Но посколь-
ку она так и так собиралась на сезон отправиться в
Лондон, то рассчитывала заодно встретиться там с
Дарси и решительно прояснить этот вопрос. Пока же
она полностью переключилась на заботы о поместье,
которое на длительное время оста нется без должно-
го руководства.

Последующие три недели леди Кэтрин столь неудо-
вимо снабжала работников поместья, жителей дерев-
ни и соседей обстоятельными и развернутыми пред-
писаниями на все случаи жизни, что все вздохнули с
облегчением, когда она наконец отбыла.

– Леди Кэтрин месяц пробудет в Лондоне, – сказал
мистер Лестнер мельнику.

Они сидели в таверне и потягивали эль.

– Навроде того, – кивнул мельник. – А оттуда ее ми-
лость, слышал, на воды собираются.

– Еще на месяц, а то и два, – мистер Лестнер под-
нял кружку эля и чокнулся с мельником. – До конца
лета, если повезет.

В это время карета с леди Кэтрин продвигалась по лондонской дороге. Перечислив все дела, которые она не забыла переделать в Розингсе, а также предстоящие покупки, встречи и визиты, ее сиятельство коснулась самой важной для нее темы.

— Думаю, нам не стоит тянуть с объявлением помолвки. Ведь все уже давно решено, — заявила она, как-то упустив из виду, что все решено только в ее собственном воображении.

Миссис Дженкинсон восторгалась и хотела что-то сказать, но леди Кэтрин, не интересуясь ее мнением, продолжила:

— Дарси сейчас в Лондоне, и я намерена серьезно поговорить с ним. Свадьбу следует провести со всеми положенными церемониями и нам пора начинать к ней готовиться.

Энн же расценивала поведение Дарси как обнадеживающий знак того, что он не собирается на ней жениться. Серьезный разговор, который собиралась провести с ним леди Кэтрин, давал Энн еще один повод надеяться на реакцию, обратную той, на какую рассчитывает ее мать: Дарси не любил, когда его к чему-либо принуждали. Поэтому она спокойно переносила все разговоры о предстоящей брачной церемонии, которые велись почти на всем протяжении дороги до Лондона, в том числе неоднократные деталь-

ные описания чудовищного со всех точек зрения подвенечного платья.

В Лондоне у них был собственный дом. Во время сезона по сложившейся традиции леди Кэтрин устраивала большой прием для представителей самых аристократических семей, и в свете считалось престижным быть включенными в ее список приглашенных. Так что двери остальных домов были открыты для де Беров, что, впрочем, мало отражалось на интенсивности светской жизни самой леди Кэтрин, которая предпочитала встречаться со своими приятельницами и членами семьи лишь на избранных, особо респектабельных вечерах.

Для Энн сезон был очередным мучением. Вместо развлечений, которыми он славился, ей приходилось ездить со своей матерью на безумно скучных приемах и слушать одни и те же разговоры, вернее, сплетни, на что так щедры лондонские гостиные. Иногда они выбирались на балы, хотя леди Кэтрин упорно придерживалась мнения, что слабое здоровье дочери не позволяет ей танцевать. Энн же считала, что танцевать ей не позволяет ее непримечательная внешность, дурные наряды, отсутствие знакомых молодых людей, а также отпугивающий всех своей суровостью вид леди Кэтрин. На немногих балах, куда они являлись, Энн

обычно сидела рядом с матерью в обществе пожилых матрон, издали наблюдая за стайками щебечущих разряженных девиц, которые весело обсуждали кавалеров и наряды, смеялись и танцевали. Иногда по указке хозяев бала ее приглашал на медленный танец кто из джентльменов, в чьи обязанности входило развлечение невостребованных девиц. Разумеется, все это происходило под неусыпным вниманием леди Кэтрин и миссис Дженкинсон.

Но были в сезоне и свои прелести. Здесь можно было – пусть изредка – попасть в театр, посещение которого вносило очень приятное разнообразие в жизнь Энн. Прогулки в парке тоже отличались определенной новизной, благодаря царившему там оживлению. И, что было самым главным, – в Лондоне она пользовалась гораздо большей свободой, чем в Розингсе. Энн могла чаще выбираться из дома под предлогом посещения музея, выставки или похода по магазинам за какими-нибудь мелочами. Конечно, ее всегда сопровождала компаньонка, но ничего не стоило затащить ее, например, в чайную, чтобы поесть вкуснейших пирожных, которые дома Энн категорически запрещались.

– Ее сиятельство будет недовольна, – обычно шептала, испуганно озираясь, миссис Дженкинсон.

— У нее не будет повода проявлять недовольство, если она ничего не узнает, — отвечала ей Энн, заказывая чай и пирожные.

— А если кто-нибудь нас увидит?

— Мы скажем, что зашли лишь выпить чаю. Посмотрите, какие вкусные вон те пирожные, а как пахнут! — соблазняла Энн компаньонку, зная ее слабость к сладкому.

Благодаря частым налетам на чайные и буфеты на балах, где не было такого строгого надзора, как дома, Энн немного прибавляла в весе, щеки ее округлялись, и она не выглядела таким заморышем, каким бывала в Розингсе.

Разнообразие в ее жизнь вносили и родственники, которые, если появлялись в Лондоне, непременно наносили визиты леди Кэтрин. На этот раз все кузены находились в городе, включая виконта Роксли, сына дяди — графа Уитингтона, и мисс Джорджиану Дарси, которая еще не выезжала, но при случае могла составить компанию Энн, например, на прогулке, разбавляя тем общество миссис Дженкинсон.

Вскоре после приезда леди Кэтрин в Лондон, ее племянники явились к ней в сопровождении мистера Бингли с сестрами.

Как только все расселись, был подан чай, под

распитие которого леди Кэтрин завела разговор о неопытных кучерах и плохих дорогах, дурной еде, подаваемой в гостиницах, лондонской суете и явных преимуществах перед жизни в собственном поместье. Коснувшись Розингса, без упоминания о котором не обходилась ни одна беседа леди Кэтрин, она поинтересовалась домом, который мистер Бингли арендовал в Хартфордшире.

— Дом неплох, — ответила мисс Кэролайн Бингли, — но общество там просто невыносимо...

— Мистер Коллинз — пастор моего прихода — упоминал что-то о приеме, который вы давали в Хартфордшире, — леди Кэтрин, поджав губы, с осуждением посмотрела на мисс Бингли, отчего та несколько съежилась, а ее сестра миссис Херст затараторила:

— Поскольку Бингли там снял дом, мы были вынуждены завести знакомство с местными землевладельцами. Но они оказались настолько провинциальны, а некоторые даже вульгарны, что нам пришлось натерпеться всякого. К счастью, мы уговорили Чарльза отсюда уехать и очень надеемся, что туда его более не потянет. Представляете: невыносимые обеды, балы, обустроенные без капли вкуса! Бингли вынужден был тоже дать бал... Ужасное воспоминание! Мы с Кэролайн не чаяли, как выбраться оттуда!

— Прежде чем брать дом в аренду, стоит все выяс-

нить про соседей, чтобы не попасть в подобную ситуацию, — веско сказала леди Кэтрин и смирila взглядом на этот раз Бингли.

— Не заметил ничего вульгарного, — пробормотал он и покосился на Дарси. Тот промолчал.

Энн показалось, что Дарси несколько осунулся, да и Бингли выглядел не самым лучшим образом. Создавалось впечатление, что Дарси и Бингли были поражены одной и той же болезнью, которая скрывалась у одного под неестественно непроницаемым выражением лица, а у другого — под напускной оживленностью.

— Мистер Дарси придерживается такого же мнения, что и мы, — осмелилась вставить свое слово мисс Кэролайн.

— Что? Да... нет... — Дарси явно не хотел продолжать этот разговор. — Обычные люди, которым немного не хватает светского лоска.

Он повернулся к тетке и спросил:

— Куда вы на лето? В Бат?

— Конечно! Мисс Энн полезны тамошние воды. Ее самочувствие обычно немного улучшается после посещения Бата.

Энн вдруг с насмешкой подумала, что леди Кэтрин делает большую ошибку, обсуждая ее самочувствие при предполагаемом женихе. Ни один нормальный мужчина, как, впрочем, и женщина, не захочет свя-

зять свою жизнь с болезненным и хилым созданием. Хотя в ее случае и существует веский аргумент для брака в виде внушительного приданого и огромного наследства, что для некоторых могло компенсировать многочисленные недостатки невесты, но вряд ли это имело какое-то значение для Дарси, обладавшего вполне приличным состоянием.

Мисс Кэролайн Бингли, которая имела свои виды на Дарси и свои причины при случае унизить Энн, не преминула тут же завести разговор о ее здоровье с леди Кэтрин. Ахая и причитая, мисс Бингли принялась расспрашивать, как бедняжка Энн перенесла дорогу, не кружилась ли у нее голова и не может ли лондонский нездоровый воздух и активная светская жизнь усугубить ее и без того плохое самочувствие. При этом она то и дело посматривала на Дарси, чтобы понаблюдать за его реакцией на удручающие подробности из жизни его дышащей на ладан нареченной. Но, как назло, он в этот момент говорил с виконтом, и казалось, не слышал ни слова из того, что пытались довести до его сведения.

Энн, о которой говорили так, будто она не присутствовала в комнате, попыталась вызвать на разговор Джорджиану Дарси, столь же застенчивую и молчаливую, как и она сама. К успеху это не привело, поскольку мисс Дарси с трудом могла разговаривать лишь о

музыке, а Энн плохо разбиралась в этом виде искусства — леди Кэтрин не разрешила ей в свое время учиться игре на фортепиано, опасаясь, что дочери не хватит сил нажимать на клавиши.

Спас их бессвязную беседу Фицуильям, обратившийся с каким-то вопросом сначала к Джорджиане, а затем и к самой Энн, у которой сердце сразу забилось сильнее, а на щеках выступил легкий румянец.

— Не встречали ли вы в Лондоне мисс Мэрайю Лукас и мисс Элизабет Беннет? — спросила она, надеясь, что этого не случилось.

Он спокойно ответил, что не имел такого счастья, и предположил, что средства их семей не позволяют вывозить девушек на сезон. Как ни старалась Энн заметить в нем смущение или волнение при упоминании имени мисс Беннет, она этого не обнаружила. Это давало ей надежду на то, что он уже избавился от тех чувств, какие еще месяц назад, казалось, испытывал к их общей знакомой, хотя сама Энн и не получала от того никакой пользы, да и свидетельствовало лишь о том, что кузен весьма непостоянен в своих увлечениях.

Между тем леди Кэтрин и мисс Бингли завершили обсуждение болезней мисс де Бер и перешли к не менее приятному и увлекательному занятию — об-

мену сплетнями, которые доставляли немалое удовольствие тем, кто, не имея разнообразия в собственной жизни, наслаждается событиями в жизни других. Мисс Бингли обладала поистине неисчерпаемыми и захватывающими сведениями обо всех, кто представлял хоть какой интерес в глазах собравшихся леди. Освежить память ей активно помогала сестра, и какое-то время шла, безусловно, занимательнейшая и познавательная во всех отношениях беседа. Но пика она достигла лишь, когда речь зашла о некой особе, имевшей несчастье обратить на себя особое внимание достойных леди.

– Мисс Элайза Беннет на редкость самонадеянная и дерзкая особа! – заявила леди Кэтрин, что было немедленно подхвачено двумя другими.

– Она принадлежит к тем женщинам, которые любят привлекать внимание окружающих, возражая каждому их слову и приписывая себе авторитетные умозаключения по любому поводу, – вторила ей мисс Бингли.

– И так дурно воспитана! – заявляла миссис Херст. – А видели бы вы ее мать и сестер!

– Старшая сестра еще приятная девушка, – спохватилась Кэролайн, оглянувшись на брата, который вдруг насупился, – но младшие – это нечто ужасное. Они бегали за каждым офицером в округе, всячески

поощряемые своей матерью.

– Мисс Элайза Беннет тоже бегала? – леди Кэтрин возмутила мысль, что она принимала в своем доме девушку, которая бежит за офицерами.

– Не то, чтобы бегала, но была не прочь принять знаки внимания одного из них, – намекнула мисс Кэролайн.

Леди Кэтрин с понимаем кивнула, покосившись на полковника Фицуильяма.

– Вы помните мистера Уикхема – сына управляющего мистера Дарси? – продолжала мисс Бингли.

При упоминании о мистере Уикхеме Джорджияна вздрогнула, Дарси напрягся, а Фицуильям встрепелся.

Леди Кэтрин ничего не заметила. Она не знала никаких подробностей об Уикхеме, кроме того, что ему полагался приход в Пемберли, от которого он отказался, решив заняться юриспруденцией.

– Так мистер Уикхем теперь служит в армии? – удивленно спросила она.

– Да, ваше сиятельство, – сказала мисс Кэролайн. – В милиции. Красный мундир и все такое прочее. Производит неизгладимое впечатление на провинциальных девиц.

Энн помнила мистера Уикхема по визитам в Пемберли. Она тогда была еще ребенком, а он – красивым

юношей с обходительными манерами. И могла представить, как ему к лицу подошла офицерская форма, что могло привлечь внимание любых, не только провинциальных девушек.

— У девиц Беннет нет никакой возможности удачно выйти замуж, — авторитетно заявила леди Кэтрин. — Все, на что они могут рассчитывать, — сомнительное внимание заезжих офицеров без состояния, которые вряд ли рискнут связать свою жизнь с подобными особами.

Дарси и Бингли мрачнели на глазах, а Фицуильям, который вовсе не был намерен церемониться с уважаемыми дамами, воскликнул:

— Право, леди, вы слишком суровы к девушкам, единственный недостаток которых — отсутствие средств.

Не желая предоставлять дамам возможности продолжить этот разговор, он намеренно сменил тему, заговорив о приемах и балах, которые собиралась почитать своим вниманием леди Кэтрин, и пообещал сопровождать тетюшку и кузину на большинство из них.

Энн была заинтригована странной реакцией части присутствующих на упоминание о Хартфордшире, как и плохо скрываемой ревностью мисс Бингли, и, начиная подозревать, что мисс Элизабет Беннет задела чувства не только Фицуильяма, но и некоторых дру-

гих знакомых ей джентльменов.

Когда гости ушли, Энн попыталась разобраться в услышанном и увиденном, но ясности так и не прибавилось, а вскоре полностью переключилась на свои собственные проблемы, которые хотелось хоть как-то разрешить.

Если в Розингсе она могла держаться на расстоянии от Фицуильяма, здесь не получалось столь успешно его избегать, и каждая новая встреча с ним доставляла ей одновременно и боль, и радость. Вспоминая мисс Беннет, Энн поняла, что ее собственные надежды никогда не осуществятся, если она и дальше будет держаться в стороне, никак не проявляя себя и не стараясь показаться с лучшей стороны. Можно много говорить о красоте души, но она вряд ли будет замечена, если скрыта за непритязательным обликом. Чтобы привлечь к себе и к своей душе хоть какое внимание, нужно быть интересной и привлекательной для других людей.

Энн стала обдумывать возможности, которые помогли бы ей выглядеть как можно лучше, насколько это позволяли ее внешность, мать и отвратительные наряды. Фицуильям часто появлялся в Лондоне, поскольку его гвардейский полк был расквартирован недалеко от города, и не раз сопровождал мисс де Бер и леди Кэтрин на вечера, где то и дело флиртовал с

девицами, куда более симпатичными и разговорчивыми, нежели его кузина.

Как-то, собираясь на бал, куда они ехали с Фицуильямом, Энн решилась несколько изменить свою внешность и умолила камеристку уложить ее волосы простыми локонами, перевитыми лентами, что ей очень шло. Камеристка, боясь леди Кэтрин, долго сопротивлялась, но потом все же сделала так, как желала ее юная госпожа.

Энн задержалась наверху, чтобы спуститься в присутствии Фицуильяма, надеясь, что при нем мать не устроит скандала и не заставит переделывать прическу.

— Мисс Энн! Что за вид! — воскликнула леди Кэтрин при виде дочери. — Вы выглядите как простушка!

— А мне очень нравится! — заявил Фицуильям, за что заслужил благодарный взгляд кузины. — Очень элегантно, и к лицу мисс де Бер.

Леди Кэтрин не успела опомниться, как кузен помог Энн набросить шаль на плечи и повел к выходу. На балу он пригласил ее на медленный танец, заверяя леди Кэтрин, что не закружит ее дочь до бесчувствия.

— Начинаем отвоевывать позиции? — спросил он Энн, взглядом указав на ее прическу.

— Пока это временно захваченный крошечный

плацдарм без укреплений, — ответила Энн, тая от его близости и прикосновения его ладони к своей руке. — У меня сильный противник.

— Но партизанские действия налицо, — Фицуильям посмотрел на кухню, на лице которой появилась мягкая, чуть нерешительная улыбка. Она редко улыбалась, и он только теперь заметил, как ее глаза улыбаются вместе с губами.

Он кашлянул и поинтересовался:

— Как вы находите нынешний сезон, дорогая кухня?

— Учитывая, что из года в год он проходит без кардинальных изменений, могу предположить, что этот сезон похож на предыдущий. С моей стороны было бы несправедливым объявить его скучным только потому, что я не принимаю участия во всех увеселениях, которыми он так славится. А многие находят их весьма занимательными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.